

ОБ ИЗМЕНЕНИИ ЗНАЧЕНИЯ КОГНАТ ПРИ ЗАИМСТВОВАНИИ В ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Л.О. Тимошенко

Башкирский государственный университет, г. Уфа

Актуальность проблематики данной статьи определяется стремлением к ясности выражаемого смысла со стороны коммуникантов в употреблении иноязычных заимствований. Новизна материала заключается в огромном неисследованном аспекте экспликации семантической деривации заимствований как пути развития смысла значения при заимствовании, допускающего некатегорическое толкование. Развитие ассоциаций, поиск сходных сем лингвистом-интерпретатором торит дорогу читателям, интересующимся этимологией заимствований, но не имеющим всех подручных средств и методов. Корректность терминологического аппарата статьи может вызвать критические замечания в связи с неизученностью аспекта экспликации семантической деривации. Методами исследования, применяемыми в данной статье, являются сравнительно-исторический, этимологический, интроспективный, экспериментальный, ассоциативный. Среди этих методов к относительно новым можно отнести интроспективный и ассоциативный. Доказательность выводов статьи выверяется «коридором», или «варьированием», по терминологии Е.В. Урысон, между соответствием семантики заимствований словарным значениям и современным разговорным употреблением заимствований, т. е. «конечные точки» которого хорошо известны. Автор статьи придерживается логичности изложения материала, подкрепляя свои идеи мнениями авторитетов в лингвистике.

Ключевые слова: когнаты, заимствования, семантическая деривация, экспликация смысла, семантическое варьирование

По терминологии В.В. Акуленко, когнаты – это слова общего происхождения, восходящие к одной и той же праформе в языке-основе [1]. Причужденность заимствований сказывается в их усвоении языком-реципиентом и при переводе.

Как отмечает Дж. Гринберг, «if a particular phenomenon can arise very frequently and is highly stable once it occurs, it should be universal or near universal» («если конкретное явление может возникать очень часто и довольно стабильно по мере встречаемости, оно должно быть универсальным или практически универсальным») [2, с. 76].

Словарь лексических соответствий, выпущенный автором в 2012 г., представляет когнаты словарного состава современного русского литературного языка, английского, французского и немецкого языков – т. е. европейских языков, опираясь на нормативные словари этих языков [3]. Актуальный интерес представляет изменение и развитие значения когнат от языка к языку, выявление особенностей процесса заимствования. В настоящее время автор активно исследует процесс семантической деривации заимствуемых слов. Прескриптивность и дескриптивность языковой нормы, т. е. выделение в языке нормы, как прескриптивности, и узуса, как дескриптивности, по замечанию Л.П. Крысина, делает возможным концентрацию на узусе и координацию его с нормой языка.

«В широком смысле под нормой подразумевают традиционно и стихийно сложившиеся способы речи, отличающие данный языковой идиом от других языковых идиомов. В этом понимании норма близка к понятию узуса, т.е. общепринятых устоявшихся способов использования данного

языка. В узком смысле норма – это результат целенаправленной кодификации языка. Такое понимание нормы неразрывно связано с понятием литературного языка, который иначе называют нормированным, или кодифицированным» [4, с. 3–9].

Согласно Э. Косериу, «в широком смысле норма соответствует не тому, что можно сказать, а тому, что уже сказано, и что по традиции говорится в рассматриваемом обществе» [5, с. 175].

Языковой нормой занимались члены Пражского лингвистического кружка Б. Гавранек, А. Едличка, а также Л.П. Крысин, У. Лабов, М.В. Панов и др.

В чем же причина изменения значения заимствований? А.А. Горбов отвечает на этот вопрос, вводя понятие «престижности», а мы, как следствие, добавляем опрощение и искажение заимствованного значения при широкой распространяемости и усвоении языком-реципиентом.

«Престиж» заимствованного слова – одна из причин интенсификации процесса заимствования, а также «повышения в ранге» значения. При вхождении заимствованного слова в словарный состав русского языка неологизм обычно употребляется именно в том значении, которое уже имеется у слова-прототипа в языке-источнике. Л.П. Крысин (2010), В.Г. Костомаров (1996), М.А. Брейтер (1997) и др. отмечают усиление иноязычного влияния на русский язык на рубеже XX–XXI вв. Вопросы вызывает толкование значений заимствуемых лексических единиц как в языке-реципиенте, так и в языке-источнике.

Факт заимствования может «объясняться» не большей «престижностью» самого иноязычного

слова, релевантностью для современной жизни комплекса признаков статуса, включающего в себя, прежде всего, положение в рейтинге и оценке...», считает А. А. Горбов [6].

В интенсификации процесса заимствования А.А. Горбов выделяет социально-психологические причины, поднимающие «престижность» заимствованного слова.

Например, русская лексема *трико* восходит к французской лексеме *tricot*, образовавшейся от французского глагола *tricoter* (вязать). В современном русском языке лексема *трико* в просторечии означает спортивные вязаные брюки. Но согласно словарю БТС С.А. Кузнецова, *трико* – это 1. Шерстяная ткань узорчатого переплетения для верхней одежды. *Костюмное т. Английское т. Сшить костюм из т.* 2. Тонкий трикотажный костюм, плотно облегающий тело. *Легкое т. Толстое т. Обтянутый т.* 3. Трикотажные женские панталоны. *Ходить в т.* [7, с. 1345].

В английский язык слово также попало из французского около XVIII века. Во французском языке лексема *tricot* появилась около 1660 г., образовавшись от глагола *tricoter* (*exécuter en mailles – вязать колечками*), восходя к *tricot* (*baton court – короткая палка*), восходя к *trique* – *дубина*, по видимому означая спицы или крючок.

В современном французском языке *tricot* – 1) трико (вязаная ткань) 2) вязанье 3) вязаная куртка, фуфайка; тельник [8, с. 1113].

Удивительно, но в русском языке (на практике) *трико* – это спортивные брюки, а во французском языке – это тельняшка, фуфайка, куртка.

В немецком языке лексема *Trikot, Tricot* также появилась из французского языка, восходя к *frz. tricot < tricoter (stricken – вязать)*.

В этой лексеме налицо семантическая деривация и развитие значения. Сейчас *трико* не называют тканью, а говорят *трикотаж*. Значение *палка, дубина* совсем не приходит на ум при описании лексемы *трико*.

Такой разницей значений представляется нам, прежде всего, неопределенностью понятий *вязать, вязаная вещь*, ведь связать руками или на машинке можно и полотно, и одежду. Потребность в установлении связей, как и потребность в идентичности, по Э. Фромму, – базисные потребности человека [9; 10, с. 266]. Установление связей в процессе этимологизации значений слов способствует более прочному усвоению значений и развитию ассоциативного мышления коммуниканта. «Вероятность в математическом смысле требует повторяемости ситуаций, что в принципе невозможно в языке, равно, как и в других аспектах человеческой культуры и истории [11].

У французских паронимов *rose f* – роза < лат. *rosa, rosée f* – роса, *roseau m* – тростник; или *velours* – бархат, *velu* – волосатый вывести общность значения при кажущемся внешнем созвучии невозможно.

Или, например, как из французского слова *fleur* – цветок вывести значение производного слова *effleurer* – «задевать, оцарапать» при имеющемся значении «обрывать цветы»? Коннотация у лексемы “*effleurer*” отрицательная; главная сема «цветок» меняется на сему «разрушение». Семантическую деривацию как путь изменения семантики в данном случае можно представить как «задеть цветок, повредить его».

Или, например, французская лексема *demarche*, переводимая в словаре В.Г. Гака, К.А. Ганшиной как 1) походка; 2) поведение, манеры, прием, образ действий, ход; 3) поступок, действие, выступление, демарш, ходатайство, обращение, запрос; 4) pl хлопоты [8, с. 305] при заимствовании в русский язык означает наглую, хулиганскую выходку и обычно используется в выражении «предпринять демарш» в ироническом тоне, обыгрывая контраст звучности и высокого стиля лексемы и «низкую» семантику. Лексема «демарш» заимствовалась в русский язык из французского с маркированностью семантики, как заметная, броская, наглая выходка и т. д.

Или французское слово *perron* переводится на русский язык как *крыльцо, подъезд* [8, с. 305], а не переводясь, в русском языке означает особую реалию – железнодорожный перрон, место прибытия поезда.

Как отмечает Е.В. Урысон, «принято считать, что выявляя значение слова, лингвист эксплицирует свое собственное языковое сознание, проникнуть в которое можно только методом интроспекции, только с помощью интуиции. Свое ощущение и понимание слова лингвист верифицирует специальными методами, часто с помощью языкового эксперимента» [12, с. 191–198].

Таким образом, материальные заимствования, т. е. заимствования вместе с иностранной реалией, не переводящиеся на русский язык точно и имеющие разницу в современном русском языке между нормой (словарным переводом, приводимым в толковом словаре русского языка и, скажем, в большом французском словаре) и узусом, т. е. практическим обиходным употреблением лексемы, с одной стороны, значительно обогащают русский язык и русскую культуру нововведениями, а с другой стороны – создают неопределенность в трактовке понятия, обозначаемого лексемой, создавая семантическое варьирование.

Как отмечает Е.В. Урысон, «варьирование семантики лексемы сближается с хорошо известным явлением, когда значение лексемы как таковое не меняется, но в нем выбираются разные компоненты для сцепления данной лексемы с тем или иным контекстом. В значении такой лексемы тоже меняются исполнители некоторой роли, но в данном случае это роль не вершины значения, а его активного компонента. Варьирование вершинного компонента – это потенциально новое значение, готовое отделиться от данного. Такое варьирование

Языковые контакты

уже может иметь результатом новые парадигматические, в частности, синонимические связи лексем. По-видимому, существует некий порог различий между лексемами многозначного слова, некоторая их «критическая величина». Если семантические различия между употреблениями слова достигают этого порога, то такие употребления ощущаются как разные значения данного слова» [12, с. 191].

Так что же принять за основу в переводе, скажем, лексемы *трико* иноязычному студенту: очень неопределенную норму, варьирующуюся от словаря к словарю, или узус как современное разговорное значение?

Вызывает интерес проблема сдвига значения при заимствовании и проблема вторичного заимствования. Всегда ли происходит сдвиг значения при заимствовании или он касается только процесса перевода реалии на русский язык, в русскую культуру? Полагаем, что при материальных заимствованиях (вместе с реалией), как например, японская лексема «суши», сдвига значения не происходит, а при попытках перевода, особенно допускающих варианты, как, например, у лексемы *трико*, происходит сдвиг значения, и иноязычному студенту стоит пообщаться с живыми носителями языка и усвоить узус, оставляя словарное значение для узконаучной работы.

Конечно, словари не всегда так «отстают от жизни», и известно, что словарный состав литературного языка меняется очень медленно и скачкообразно в зависимости от социальных влияний – интервенционных войн, развития технологии, передела дипломатических сфер влияния в мире, устаревания реалий. XXI век особенно богат материальными заимствованиями, в частности, для России. Развитие дипломатических отношений с Востоком и Азией значительно обогащает культуру пограничной между Западом и Востоком России. Восточная мудрость и религия, восточные единоборства, восточные блюда – вот лишь несколько сфер, значительно обогатившихся заимствованиями.

Таким образом, исследование когнат, пути экспликации семантической деривации заимствований, различие между нормой и узусом – богатая сфера исследования, так как заимствования в языках неизбежны, пока существует сам язык и культура его носителей.

Благодарности

Хотелось бы от всей души поблагодарить ведущую кафедру иностранных языков гумани-

тарных факультетов Башкирского государственного университета Мулюкову Закиру Бадриевну за создание условий работы над научным исследованием и профессора кафедры русской филологии факультета башкирской филологии и журналистики, к сожалению, ныне покойную Кильдибекову Танзилю Асхатовну, благодаря чьей материальной и духовной поддержке состоялось данное исследование.

Литература

1. Акуленко, В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка / В.В. Акуленко. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1992. – 213 с.
2. Greenberg, J. *Diachrony, synchrony and language universals* / J. Greenberg, Ch. Ferguson and E. Moravcsik (eds.) // *Universals of Human Language. Vol. III. Word Structure*. Stanford: Stanford University Press, 1978. – P. 47–82.
3. Тимошенко, Л.О. Словарь лексических соответствий европейских языков (русского, английского, французского, немецкого) / Л.О. Тимошенко. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. – 644 с.
4. Крысин, Л.П. Вариативность нормы как естественное свойство литературного языка / Л.П. Крысин // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. – Т. 70. – № 4. – 2011. – С. 3–9.
5. Косериу, Э. Синхрония, диахрония и история / Э. Косериу // *Новое в лингвистике*. – М.: Прогресс, 1963. – Вып. 3. – С. 143–343.
6. Горбов, А.А. О некоторых проблемах интерпретации иноязычного материала при описании новых заимствований в русском языке / А.А. Горбов // *Вопросы языкознания*. – 2011. – № 6. – С. 28–41.
7. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2004. – 1535 с.
8. Гак, В.Г. Новый французско-русский словарь / В.Г. Гак, К.А. Ганшина. – М.: Русский язык, 1997. – 1195 с.
9. Фромм, Э. Здоровое общество / Э. Фромм. – М.: АСТ, 2006. – 540 с.
10. Хьелл, Л. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб.: Питер, 1998. – 606 с.
11. Соловьев, В.Д. Методика оценки стабильности грамматических свойств / В.Д. Соловьев, Р.Ф. Фасхутдинов // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. – 2009. – Т. 68, № 4. – С. 34.
12. Урысон, Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике / Е.В. Урысон. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 223 с.

Тимошенко Людмила Олеговна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов, Башкирский государственный университет (Уфа), lyudmila.timosh@mail.ru.

Поступила в редакцию 15 августа 2015 г.

ABOUT THE CHANGE IN THE MEANING OF COGNATES WHILE BORROWING IN THE EUROPEAN LANGUAGES

L.O. Timoshenko, lyudmila.timosh@mail.ru
Bashkir State University, Ufa, Russian Federation

The topicality of problems in the given article is determined by the desire for clarity of the expressed sense on the part of communicants in the use of foreign borrowings. The novelty of the material consists in the huge unexplored aspect of the explication of semantic derivation of borrowings as a way of sense development of the meaning while borrowing, admitting non-categoric interpretation. Constructing associations, the search for similar senses by the linguist-interpreter paves the way for the readers, interested in the etymology of borrowings, but lacking all the necessary handy means and methods. The correctness of terminological system of the article may cause criticism due to the unexplored character of the aspect of semantic derivation explication. Methods of investigation applied in the given article are comparative-historic, etymological, introspective, experimental, associative methods. Among the cited methods the introspective and associative ones can be called relatively new. The provability of the conclusions of the article is verified by the “corridor” or “variation”, in Ye.V. Uryson’s terminology, between the correlation of semantics of the borrowings of dictionary meanings and the modern spoken usage of the borrowings, that is that the “final points” are well known. The author of the article tried to keep to the logic of expressing the material, substantiating her ideas with the opinions of the authoritative linguists.

Keywords: cognates, borrowings, semantic derivation, explication of sense, semantic variation.

References

1. Akulenko V.V. *Voprosy internatsionalizatsii slovarnogo sostava yazyka* [The Problems of Internationalization of Word Stock]. Kharkov, Kharkov University Publishers, 1992, 213 p.
2. Greenberg J. Diachrony, Synchrony and Language Universals. *Universals of Human Language. Vol. III. Word Structure*. Stanford, Stanford University Press. 1978. Pp. 47–82.
3. Timoshenko L.O. Slovar leksicheskikh sootvetstviy yevropeiskikh yazykov (russkogo, angliyskogo, frantsuzskogo, nemetskogo). [Timoshenko L.O. The Dictionary of Lexical Correspondences of European Languages (Russian, English, French, German)]. Ufa: BSU Publishers, 2012. 644 p.
4. Krysin L.P. Variativnost normy kak yestestvennoye svoystvo literaturnogo yazyka. [Krysin L.P. Norm Variation as a Natural Property of the Literary Language]. *Izvestia RAN. Literature and Language Series*. V. 70. № 1. 2011. Pp. 3–9.
5. Koseriu E. Synchroniya, diachroniya i istoriya [Coseriu E. Synchrony, Diachrony and History]. *New in Linguistics. Issue 3*. Moscow, Progress, 1963. pp. 143–343.
6. Gorbov A.A. O nekotorykh problemakh interpretatsii inoyazychnogo materiala pri opisani novykh zaимstovaniy v russkom yazyke [On Some Problems in the Interpretation of Foreign Material while Describing New Borrowings in Russian]. *Voprosy yazykoznaniiya*. № 6. 2011. pp. 28–41.
7. Bolshoi tolkovyi slovar russkogo yazyka. [The Great Interpretative Russian Dictionary]. St.Peterburg: Norint Publ., 2004. 1535 p.
8. Gak V.G., Ganshina K.A. *Novyi frantsuzsko-russkiy slovar* [The New French-Russian Dictionary]. Moscow, The Russian Language Publ., 1997. 1195 p.
9. Fromm E. *Zdorovoye obshchestvo* [Fromm E. The Healthy Society]. Moscow, AST, 2006, 540 p.
10. Hjell L., Ziegler D. *Teorii lichnosti* [Theories of Personality]. St. Peterburg, Piter Publ, 1998. 606 p.
11. Solovyev V.D., Faskhutdinov R.F. Metodika otsenki stabilnosti grammaticheskikh svoystv [Methods of Stability Evaluating of Grammar Properties]. *Izvestiya RAN. Literature and Language Series*. Moscow, Nauka, 2009. V. 68. № 4. 80 p. p. 34.
12. Uryson Ye.V. *Problemy issledovaniya yazykovoy kartiny mira. Analogiya v semantike*. [The Problems of Language World Picture Investigation. Analogy in Semantics]. Moscow, Languages of Slavic Culture, 2003. 223 p.

Ludmila O. Timoshenko, Candidate Degree in Philology, Assistant Professor, Department of the Foreign Languages, Bashkir State University (Ufa), lyudmila.timosh@mail.ru.

Received 15 August 2015

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Тимошенко, Л.О. Об изменении значения когнат при заимствовании в европейских языках / Л.О. Тимошенко // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2015. – Т. 12, № 4. – С. 8–11. DOI: 10.14529/ling150402

FOR CITATION

Timoshenko L.O. About the Change in the Meaning of Cognates while Borrowing in the European Languages. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2015, vol. 12, no. 4, pp. 8–11. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling150402